КРОКОДИЛ

В КАБИНЕТЕ РЕКТОРА ПЕРЕД ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ ЭКЗАМЕНАМИ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

А. ГОЛУБ,
специальный корреспондент Крокодила

СОДВИНЕМ БОКАЛЫ...

Итак, дорогой читатель, давайте поздравим жителей Валмиеры со знаменательным событием. В августе текущего года в предместье этого живописного латвийского городка вступит в строй действующих завод по изготовлению тротуарных плит, бордюров и бетонных столбиков.

Заводской корпус вырос у шоссе Цесис — Валмиера, в едином, можно сказать, ансамбле с желудочно-кишечным санаторием «Личи», старой мельницей и превосходно вписался в ландшафт так называемой Латвийской Швейцарии. Представьте себе: вокруг — поросшие вековыми соснами холмы, голубые блюдечки озер, а в долине, на зеленой лужайке, уютно расположился завод тротуарных плит.

Итак, наполним по этому торжественному случаю бокалы, содвинем их разом и пока что отставим в сторону. Потому что значительность момента усиливается долгой и достославной историей, предварившей данное торжество.

В самом деле, ведь еще два-три месяца назад, буквально еще вчера, на том самом месте, где сейчас высится стройный заводской корпус, громоздились всего лишь безжизненные развалины. Изъеденные трещинами стены были покрыты мхом и лишайником, тленом веяло из проемов дверей, мрачно чернели глазницы окон... Руины имели столь загадочный вид, что над происхождением их тщетно ломала голову не одна смена отдыхающих санатория «Личи».

Строение было без крыши и потолочных перекрытий и с первого взгляда напоминало древний цирк типа римского Колизея. Однако из-за зубчатых стен его можно было принять и за старинную крепость. В то же время оно походило также и на доисторический хлев: в двери его свободно могли проникнуть мамонты.

Мучительные раздумья над происхождением таинственных развалин лишали больных сна и аппетита, и знаменитая Валмиерская минеральная вода не оказывала на их организмы целебного воздействия. Так продолжалось бы, наверное, и до сей поры, если бы в один прекрасный день в санаторий не прибыл на лечение некий доктор исторических наук. Тщательно изучив развалины и произведя раскопки, он пришел к выводу, что перед ним руины рыцарского замка XIII столетия. Свою догадку ученый подкреплял тем обстоятельством, что подобных памятников старины по Латвии разбросано немало. Один из них, кстати, находится в той же Валмиере, второй — в соседнем Цесисе.

Итак, поднимем по этому историческому поводу бокалы, содвинем их разом и отставим пока что в сторону. Ибо речь пойдет не столько о рыцарских междоусобицах тринадцатого века, сколько о ведомственных — двадцатого.

Не успел наш пытливый археолог отряхнуть седую пыль старины с курортных сандалий, как на руины замка внезапно нагрянули бетонщики, каменщики и плотники и стали бесцеремонно попирать древние краеугольные камни не слишком добротным силикатным кирпичом.

— Что вы делаете?! — испуганно воскликнул какой-то наивный желудочник-романтик, когда плотник начал вставлять в довольно хорошо сохранившуюся амбразуру исторического окна самую что ни на есть современную раму, да к тому же еще плохо обструганную.— Ведь перед вами памятник архитектуры XIII века!

— Памятник архитектуры?! — в свою очередь, не менее испуганно воскликнул плотник.— А нас посылали восстанавливать завод тротуарных плит Валмиерского комбината коммунальных предприятий!

— Завод тротуарных плит? — пошатнулся отдыхающий.— Почему же он превратился в развалины?

На этот роковой вопрос плотник ответить не смог, как, впрочем, и некоторые другие лица, занимающие более ответственные посты. И тогда дотошные желудочники написали жалобу в редакцию «Крокодила».

Если вблизи Валмиеры обнаружены руины замка, рассуждал я, оформляя командировку, то о них должны знать в любом латвийском музее. Если же в развалины превратился завод тротуарных плит, то об этом незаурядном случае должны быть осведомлены хозяйственные органы республики.

Приехав в Ригу, я тут же уселся у телефона.

— Алло! — кричал я в трубку.— Это музей?

— Он самый,— отвечала трубка и советовала обратиться по интересующему меня вопросу в Министерство местной промышленности.

— Алло! Это министерство?

— Оно самое,— откликалась трубка и советовала позвонить в музей на берегу озера Югла.

Во всех музеях и министерствах, куда я обращался, о развалинах то ли замка, то ли завода ничего не знали. Пришлось выехать в Валмиеру, где при первой же встрече со старожилами стало ясно, что благоговейные экскурсы санаторных романтиков в глубь рыцарских эпох не имеют под собой почвы. Ни в XIII веке, ни позднее никакого рыцарского замка на указанном месте не существовало.

На самом деле всего-навсего пятнадцать лет назад силами Валмиерского промкомбината здесь начали строительство первого завода малогабаритных стеновых блоков. Какой-то изобретательный изобретатель, фамилия которого за давностью лет выветрилась из памяти современников, предложил формовать стеновые блоки не из цемента, как это делается повсеместно, а из песка и извести. Идея эта так поразила госплан республики своей сказочной рентабельностью, что он тотчас же испросил ассигнования на возведение аж целых пятнадцати таких заводов.

Итак, поднимем бокалы в честь дерзновенной изобретательской мысли, а также завидной хозяйской рачительности, содвинем их разом и отставим пока что в сторону. Ибо речь пойдет не столько о предварительных лучезарных расчетах, сколько о последующих прискорбных просчетах.

Пока строили первый завод, выяснилось: запас прочности известково-песочных блоков таков, что из них можно возводить стены разве что в детских песочницах. Поэтому остальные четырнадцать заводов, слава богу, строить не стали, а первый наглухо законсервировали.

Однако Валмиерский районный промкомбинат, возлагавший на свои сыпучие блоки крепкие финансовые надежды, не смирился с ударом судьбы. Он замыслил приспособить недостроенное здание под штамповку касок для мотоциклистов. Впрочем, и этому прожекту не дано было осуществиться: промкомбинат вовремя реорганизовали, а руины решили передать заводу противопожарного оборудования под цех огнетушителей.

Увы, усыпить бдительность пожарной охраны не удалось. Поковырявшись баграми в груде малогабаритных останков здания, суровые люди в брезентовых робах наотрез отказались взять его на свой баланс.

Так и перебрасывали осточертевшую всем недостройку из рук в руки, пока шесть лет тому назад не передали ее на поруки Валмиерскому комбинату коммунальных предприятий.

Шесть лет в комбинате думали, чем оживить развалины, что бы такое там организовать. Тем временем сквозь малогабаритные блоки проросли кусты, а над зубчатыми стенами закудрявились пышнозеленые кроны деревьев.

Но теперь все это позади, дорогой читатель. Деревья спилены, кусты выдраны с корнями. Теперь вместе с начальником комбината А. П. Бауманисом мы стоим во дворе стройки и любуемся кипучим созидательным трудом бетонщиков, каменщиков и плотников.

— Работаем не покладая рук! — с чувством говорит А. П. Бауманис.— И уже добились немалых успехов. Главный корпус подвели под крышу, вставили окна и двери. А вон, видите, дымок клубится? Это вступил в строй асфальтобетонный цех. Первые тротуарные плиты, бордюры и столбики выдадим точно в намеченный срок. Заметьте, что стройку курирует лично заместитель министра коммунального хозяйства Рудзитис!

Тут стоит пояснить, что намеченный срок, упомянутый тов. Бауманисом, приурочен к республиканскому слету-семинару работников коммунального хозяйства. 22 августа сюда съедутся коммунальники со всей Латвии, чтобы поучиться, как изготавливать тротуарные плиты, бордюры и столбики. Качественно! Эффективно! С помощью самых современных средств механизации и автоматизации!

Итак, поднимем по этому радостному поводу бокалы, содвинем их разом, отхлебнем по глотку и отставим пока что в сторону. Ибо...

* * *

Ибо как же все-таки не вспомнить, что доставшиеся комбинату развалины обошлись государству почти в 85 тысяч рублей? Как не взять в расчет, что для пуска завода к ним придется доложить еще 153 тысячи? Как не погрустить, прикинув, сколько продукции мог дать завод, не загуби его в самом зародыше совместными усилиями головотяпство, ведомственная косность, ледяное равнодушие к народному добру?

Наконец, как не прислушаться к мнению заместителя начальника отдела размещения производительных сил Госплана Латвийской ССР Л. П. Ковалевского:

— Строить завод, который будет день и ночь коптить окрестности рядом с санаторием,— это же черт знает что! Да если и был смысл восстанавливать руины пятнадцатилетней давности, так уж надо было это делать именно для санатория — под спортивный зал или под новый корпус... Эх, безобразие!

— Эх, безобразие! — повторим и мы с вами, дорогой читатель, вслед за Л. П. Ковалевским и, содвинув бокалы, еще раз отставим их в сторону.

Повода к торжественному тосту по случаю предстоящего пуска завода тротуарных плит, бордюров и столбиков пока что не намечается.

Рига — Валмиера

Александр
СОБОЛЕВ

ТЕТЯ ВЕРА И КЛУБОК МОХЕРА

Как же тут не удивиться!
Дамы, бабушки, девицы
ходят в шапках из мохера —
голубых, зеленых, серых...
Это нынче очень модно.
Можно ль их купить свободно!
В магазинах даже днем
не отыщешь их с огнем.
Ну, а где же! За горами!
— Нет,— твердят,—
мы вяжем сами.
— Как же это, из чего!
— Ха-ха-ха! Из ничего!
Если ж вправду, вечерочком
шапки вяжем из моточков.
А моточки из мохера
поставляет тетя Вера.
— Это что еще за тетя!
Вы везде ее найдете.
Украшает жизнь и быт
тетушка-«универсбыт».

Прихожу я в учрежденье.
Вижу: просто наводненье
этих шапочек пушистых —
желтых, красных, серебристых.
Голубая — у знакомой
Анны Львовны, предместкома.
Говорю ей:
— Как бы мне
шапочку купить жене!
Анна Львовна мне в ответ:
— Это маленький секрет.
Обратитесь к тете Вере,
что работает курьером.
Я туда.
— Вы тетя Вера!
Где б найти моток мохера!
— Есть моток. Могу продать.
— Сколько стоит!
— Двадцать пять.
— Двадцать пять! Побойтесь бога!
— Что вы, разве это много!
Нет! Не сбавлю я ни-ни!
Все мне платят так в НИИ.

Все, за чем в торговле давка,
все, чего нет на прилавках
и для вас и для семьи,—
по цене — один к семи!

...А вот сдать бы эту тетю,
спекулянтку на работе,
прямо в ОБХСС.
Там проявят интерес:
где находит тетя Вера
дефицит — мотки мохера!
И моток покатит сам
к махинаторам-китам,
для которых тети Веры
любы-дороги без меры,
тети Веры для которых —
клиентура и опора.

— Алло, мы ищем таланты!

Рисунок Б. САВКОВА

С. ШАТРОВ

А все же: кто виноват?

ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО МУЖА

— Развелся я, Митя, с женой,— сказал Сгибнев.

— Да ну! — удивился Барыкин, отрывая от туловища рака клешню.— Ты сколько семейную лямку тянул?

— Полгода.

— Быстро вы закруглились... Она тебе изменяла?

— Не такая она женщина, чтобы изменять.

— Сам налево метнулся?

— Упаси бог! Ничего себе не позволял.

— Из-за денег скандалила?

— Она не жадная.

— Теща — узурпатор?

— Теща в Андижане живет.

— Хозяйством не занималась? Полуфабрикаты жрал?

— Хозяйка — поискать. Да я не привередливый, могу и на пельменях продержаться.

— Идейные расхождения?

— На общей платформе.

— Что же вы, дьяволы, не поделили?

Сгибнев втянул голову в плечи, глаза его заволокло туманом страдания.

— Не темни. Какая-то несовместимость все же была?

— Все совмещалось.

— Задал ты мне задачку,— сказал Барыкин.

Они прильнули к массивным кружкам пива с пышными султанами белой пены.

— Давай вернемся к истокам. Где ты с ней познакомился?

— В лифте. Спускались мы с шестнадцатого этажа дома-башни. Лифт ползет, будто катафалк. На стенках малокультурные лозунги. Из-за надписей она на меня уставилась. Я снял шляпу. Познакомились, разговорились. Я ловко ей ввернул насчет музыки...

— Помнится, ты на гобое играл...

— В самодеятельности. Словом, до метро ее проводил. Потом встречаться начали. Между прочим, она причастна к искусству — лекции о музыке читает.

— Почему же, черт вас дери, вы расплевались?

— Убей, не пойму! — простонал Сгибнев.

Барыкин задумчиво пососал рака.

— Давай методично восстановим всю картину. С чего началась ссора? — спросил он.

— Да ни с чего. Сидел я дома с включенным телевизором. Музыка играет, я своим делом занят: воблу достал, ужинаю. Она пришла и за сердце схватилась: «Что я вижу! Как можно! Телевизор включен, музыка играет, а ты...»

— Понятно, телевизор работает, счетчик зря киловатты мотает...

— Она не такая, денег ей не жалко...

— Дальше что?

— Дальше больше, я и грубый человек, я и неандерталец, я...

— Ты что-то не договариваешь...

— Как на духу! — Сгибнев перекрестился с комическим отчаянием.

— Мм-да, баб не всегда поймешь. Тут без добавки не разберешься,— сказал Барыкин, откупоривая новую бутылку «Сенатора».

ИСПОВЕДЬ БЫВШЕЙ ЖЕНЫ

— Развелась я с мужем, Вероника.

— Так быстро. Что за блиц-брак?

— Выхода не было, дорогая...

— Он пил?

— Трезвенник. Питал отвращение к алкоголю...

— О-оо, редкий экземпляр. Где вы познакомились?

— В ужасном лифте. Он стоит у меня перед глазами, на стенах отвратительные надписи... Я посмотрела на своего случайного спутника, он снял шляпу.

«Простите,— сказала я,— мы, кажется, незнакомы...»

«Я всегда стою с непокрытой головой рядом с женщиной»,— ответил он.

Незнакомец преподал мне урок вежливости. Мы разговорились. Выяснилось, что он любит музыку. Симфония ми-бемоль мажор Моцарта трогает его не меньше сонаты Бетховена ре минор «с речитативом». Он деликатно попросил о свидании. Мы встретились через три дня, он принес букетик мимоз и билеты в Зал Чайковского. Мы слушали Рихтера и говорили о Сен-Сансе... Ты знаешь мои взгляды на брак. Хам, самец и нахлебник мне не нужен. Я всегда говорила себе: духовный климат моего дома должен способствовать расцвету личности. Я искала интеллектуального друга и воспитанного человека.

— Помню, такой брачный ГОСТ долго не давал тебе возможности найти спутника жизни.

— Идеал не приходит по первому зову... Так вот, Евгений, казалось, отвечал моим требованиям. Он был достаточно интеллигентен. Он не пытался беседовать со мной, как лучше нашивать метки на белье и готовить зразы. И я решилась. Первые полгода с интеллектуальным климатом было все в порядке. Зразами и не пахло. Затем все полетело в тартарары. Как-то вечером я вернулась из Дома композиторов. Евгений сидел босой перед телевизором. Передавали божественную симфоническую поэму Сен-Санса «Прялка Омфалы». На столе перед мужем лежала вобла. Он, глядя на экран, методично сдирал с нее чешую...

«Боже мой, что ты делаешь?» — ужаснулась я. «То, что видишь»,— спокойно ответил он. «Слушать Сен-Санса и есть воблу — чудовищное кощунство». «По-твоему, я должен есть воблу под духовой оркестр?» «Ты ли это?!» У меня перехватило дыхание. «Прошу без дешевых трагедий,— сказал он.— И не морщи лоб, морщин у тебя и без того хватает!»

Через месяц мы разошлись.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В последнее время печать уделяет все больше внимания морально-этическим проблемам. То и дело возникают дискуссии по вопросам семьи и быта. «Крокодил», не желая плестись в хвосте событий, печатает полемический рассказ С. Шатрова «А все же: кто виноват?», рассматривающий некоторые особо наболевшие аспекты семейной жизни. Автор охотно разрешает молодежным и женским журналам безвозмездную перепечатку рассказа.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

1.

2.

3.

4.

5.

Нередки случаи, когда театры привозят на гастроли одну и ту же пьесу.

ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ ГАСТРОЛЕЙ!

НЕМАЯ СЦЕНА

Рисунок А. КРЫЛОВА

Г. РЫКЛИН

Он всхлипывал...

Две соседки, две дамы, не совсем приятные во всех отношениях, засучив языки, бодро начали словесную драку. Хорошо продумав текст своего выступления, одна из них крикнула:

— Старая стерва!

Соседка очень обиделась:

— При чем тут возраст?

По адресу одного моего знакомого кто-то галантно выразился:

— Старый хрыч!

Намек на возраст не задел пожилого дядю. Он недоумевал:

— А что такое хрыч?

Обидеть человека можно по-разному. Можно лишь одним словом. Можно пустить в ход фонтан грязи. И можно оскорбить молчанием.

— Здравствуйте, Игорь Климентьевич!

Ни ответа, ни тем более привета.

— Можно к вам, Игорь Климентьевич?

Оглох он, что ли? Молчит.

— Вы читали мое письмо, Игорь Климентьевич?

Ни слова, ни звука.

А можно быть и красноречивым хамом. И пользоваться при этом весьма деликатными словами.

Он хмуро говорит посетителю, который вот уж третий месяц обивает пороги учреждения:

— Зайдите, пожалуйста, через две недели.

Посетитель недоволен: так, мол, работать нельзя.

— Вы меня, пожалуйста, не учите.

Посетитель говорит, что кое-кого не мешает проучить.

— Пожалуйста, выйдите вон из моего кабинета!

Три «пожалуйста» на одного посетителя! Вот что значит быть отменно вежливым.

А бывает и хамство со слезой.

Не то в Тамбове, не то в Таганроге был жуткий случай. В некоем учреждении умер сотрудник, скромный, честный работник. Местком организовал траурное собрание — цветы, венки, речи. Пожаловал на собрание и руководитель учреждения, один из самых пламенных ораторов той местности.

Он выдал на-гора речь. Это было одно из лучших словоречений нашего столетия. Я не проронил ни слезинки только потому, что не присутствовал на этом печальном собрании. А все, кто слушал оратора, плакали, как малые дети.

Сам оратор всхлипывал после каждой фразы. Затем, трепеща и содрогаясь, подошел к вдове, обнял ее и произнес громко, чтоб все слышали:

— Если вам что-нибудь понадобится, заходите прямо ко мне.

В коридоре он встретил свою секретаршу.

— Клава,— сказал он ей,— ты видишь ту женщину?

— Вдову?

— Вот именно. Так вот, если она все-таки придет ко мне, придумай что-нибудь... Ну, заболел, уехал... Сама понимаешь, должен же я был проявить чуткость...

ЦВЕТОЧКИ И ЯГОДКИ

Приведем сначала несколько здравых соображений, пришедших на ум Виктору Ефимовичу Ардову в часы досуга, и кое-какие записи из его писательской записной книжки. Например, такие:

От гурии до фурии один шаг.

В комнату вошла девушка, причесанная, как Иисус Христос.

Музыка была такая пошлая, что казалось, будто в оркестре полощут белье.

Оратор на юбилее говорил загадочно и значительно, как гадалка.

Актерское амплуа: социальная зануда.

У нее глаза самолюбивой коровы.

Человек с лицом сладко задумавшейся гири.

Этими афоризмами и меткими определениями завершается только что вышедшая книга В. Е. Ардова. Она издана «Советским писателем» и имеет явно ботанический уклон, поскольку содержит разделы «Цветочки красноречия», «Ягодки быта», «Листы познания» да и названа совсем как учебник по растениеводству — «Цветочки, ягодки и пр.». Но это только форма. А по существу книга состоит из юмористических рассказов и сценок, написанных, как всегда, по-ардовски — умно и смешно.

САМОКРИТИЧНОЕ ХАРАКИРИ

В одном учреждении случилось невероятное: директор сделал себе харакири. Нет, не в прямом, конечно, смысле, а в переносном, то бишь обычной шариковой ручкой подписал себе увольнение... Основание для этого акта у него было вполне резонное, так как предприятие систематически не выполняло план.

Не кажется ли вам, что это все выглядит неправдоподобно? Но мы не можем не верить человеку, поведавшему эту историю. Это известный украинский сатирик и юморист Иван Сочивец. А история с самокритичным харакири изложена им в новой книжке рассказов «Коса на камень» (издательство «Советский писатель», перевод Е. Весенина).

В этой книге можно прочитать еще о многих других не менее оригинальных личностях. Ну, хотя бы об Остапе Ивановиче Шнуре, вежливом бюрократе... Или о Петре Петровиче Зажуре, руководителе, распивающем регулярно спиртное с подчиненными да еще в подворотнях... Или о Васе Хребтюге — хорошем парне, от которого так и бегают жены... Или о Николае Остаповиче Кувшине, что был награжден медалью «За спасение утопающих», хотя не умел плавать...

КОЕ-ЧТО ПРО ЙОГОВ

Про йогов написано немало, особенно, конечно, об их системе врачевания путем стояния на голове.

Написал про йогов стихотворный фельетон и молдавский сатирик Григорий Перов. Правда, этот фельетон скорее про моду на йогов и о том, как трудно придется модникам, когда понадобится «с головы на ноги обратно переучиваться».

Впрочем, «Йоги и моды» — всего лишь одно из ста одиннадцати стихотворений новой книжки Г. Перова. (издательство «Картя Молдовеняскэ», Кишинев). В других речь идет об Иване Сергеевиче Тургеневе, о львах и медбратьях, о грубости, о редакторах и критиках, о возрасте и ладонях — ведь сборник так и назван «Возраст на ладони».

УТЕРЯННОЕ ЧУВСТВО

По вечерам, когда солнечный диск проваливается за отроги гор, жители правобережной части Красноярска выбираются на прогулку. При этом они ведут себя странно. Одни зажимают нос платком, другие опрыскиваются одеколоном из портативных пульверизаторов... А виной всему — Злобинская нефтебаза, расположенная в самом центре жилмассива в нарушение всех санитарных и противопожарных норм.

Красноярцы прекрасно разбираются в сложном букете ароматов, окутывающих их район.

— Никак бензин А-66 привезли,— вместо приветствия говорит один, втягивая носом воздух.

— Нет, — отвечает другой. — Это А-74, смешанный с речной сыростью.

И они расходятся.

А дома, после прогулки, они садятся писать жалобу в Красноярский крайисполком с просьбой перевести нефтебазу за пределы города. Но, увы... сам крайисполком, управление пожарной охраны, многие общественные организации уже не раз просили Главнефтеснаб РСФСР заняться наконец решением вопроса о выводе Злобинской нефтебазы за пределы города. А база, как говорится, и ныне там...

Н. РЫНДИЧ

Дорогой Крокодил!

От Одессы через Молдавию проходит трасса, по которой — особенно летом — проезжает огромное множество туристов. Здесь построен целый ряд ресторанов, кафе и пунктов по обслуживанию автотранспорта. Они получили звучные молдавские названия: «Кодру», «Ярна», «Полобок» и др. Конструкторы и художники вложили много труда в их оформление, и действительно получилось оригинально.

Взять, например, «Полобок», что в переводе означает «Бочка». Это здание построено в виде прегромадной бочки. Расположили ее в центре виноградника, внутри молдавские ковры, низкие столики, уютно — просто прелесть.

Стоит, значит, бочка посреди виноградников, в самом центре Молдавии, и в этой бочке торгуют водкой и колбасой не первой свежести.

Мы не раз спрашивали: почему в «Бочке» нет сухого вина? Почему нет хорошей еды? Оказывается, заведующий рестораном «Бочка» тов. Бейгельман пришел к выводу, что на сухом вине и недорогих молдавских блюдах план не выполнишь и премиальных не увидишь. Об этом нам поведали сами работники «Бочки». Резон, конечно, в этом есть, но довольно странный.

И. УНТИЛА, А. ХАНГАН
г. Бельцы, Молдавской ССР

Для удобства...

Хищение было загадочным, как детективный роман.

В заурядных историях происходит что? Человек подходит к своему почтовому ящику и не обнаруживает там газет. Тривиально и не захватывающе. У жителей дома № 23 по улице Русской, что в Черновцах, все было не так. Спустившись со своего верхнего этажа, они тоже не обнаружили газет, но сперва они не обнаружили почтовых ящиков. Всей секции. Они искали ее по всему двору и вечером нашли в соседнем подъезде, приколоченной накрепко к стенке.

— Мы сделали это для удобства населения,— объяснили на почтамте.

— Пардон,— сказали квартиросъемщики.— Но нам удобнее брать корреспонденцию в своем подъезде. Он просторнее, светлее и как-то, знаете, ближе нам.

И они перенесли ящики на прежнее место. Утром, к своей радости, они обнаружили их нетронутыми, но зато не нашли газет: почта обиделась. На другой день они снова обнаружили ящики и снова не нашли газет. На третий день они не обнаружили ящиков, но зато, перебежав под дождем в соседний подъезд, обнаружили газеты.

Если вы хотите знать, чем все это кончилось, то мы вам ничем помочь не можем. Ибо упорная борьба между почтамтом и жильцами за место ящиков под солнцем продолжается...

Р. ТИМОВ

Сколько стоит ерш?

Вот, дорогие читатели, одна из загадок природы: как рыбу ни размножают, а ее становится все меньше. Рыболовов, наоборот, никто не размножает, а их становится все больше. И в чем тут собака зарыта, ни один ихтиолог не понимает.

Но, слава богу, мы сами еще в силах малость поприжать рыболовов и поубавить их неисчислимое поголовье. В Ленинграде, например, за них взялись довольно ехидным способом. Сразу и не додумаешься.

Вот, скажем, оборудует себе рыболов моторную лодчонку. Не сразу, конечно. Сразу ее не достанешь. Это вам, братцы, не автомобиль. Сначала о ней мечтают лет десять. Потому что с лодки ловить, ясное дело, интересней. И риск опять же есть. А так скучно жить на белом свете.

Но как только рыболов достает лодку, эта скука и обрушивается на него в полном объеме. Потому что отплыть от берега на лодке милиция не разрешает. Для этого надо пройти обучение на специальных курсах. Программа — 160 часов. Надо знать устройство и типы судов, теорию кораблестроения, гидродинамику, теорию навигации, навигационные приборы, теорию и практику управления судами и многое другое. Самостоятельно это никто не может изучить по той простой причине, что обучение построено на литературе, которую нигде не сыщешь. Приходится платить за обучение 24 рубля. Это как раз и будет стоимость того ерша, которого ты поймаешь за лето.

Об этом интересном обычае, укоренившемся в городе на Неве, нам рассказал рыболов-любитель Павлов. Что касается других рек, то про них мы пока не пишем. Потому что, извините, не в курсе.

Н. АНДРЕЕВ

МЕРЫ ПРИНЯЛИ

В магазине хозяйственных товаров стоял навязчивый шум.

Шумели покупатели. Навязывали продавцы.

На этот раз навязывали не какие-нибудь антиподные предметы вроде резиновой соски и безопасной бритвы. Сочетали нечто родственное — крышки для консервирования с машинкой для их закрутки.

Наш читатель А. Бетхер, сообщивший об этом, будучи владельцем уже двух машинок, не захотел разоряться на третью. И его можно понять: крышки стоили по три копейки за штуку, машинка — 3 рубля.

Более того, он позвонил в торговый отдел Тавдинского горисполкома (Свердловская область) и пожаловался на торговую отсебятину. Ему пообещали, что меры к пресечению будут приняты.

Меры приняли. Отсебятину пресекли. Накануне продавцы откликались на покупательский шум в том смысле, что, мол, войдите в наше положение — машинки девать некуда. Теперь же они заговорили твердо и бескомпромиссно:

— Не нами придумано. Сегодня получено указание свыше: крышку — только с машинкой, машинку — с крышкой.

Р. БЕРКОВСКИЙ

Консервативная заказчица

Вывести масляное пятно так, чтобы от него и воспоминания не осталось,— над этим давно бьются современные алхимики. Но недавно стало известно, что проблема решена. Фабрика химчистки города Уральска успешно освоила новую технологию выведения пятен. Независимо от природы дефекта, его размеров и давности оно бесследно исчезает. Новый метод необычайно прост: пятно не отделяется от брюк, а испаряется... вместе с брюками.

Как сообщила нам читательница Л. И. Пустобаева из совхоза «Чаганский», Теректинского района, Уральской области, именно так и произошло со сданными ею на указанную фабрику мужскими брюками. Ни от них, ни соответственно от пятна не осталось и следа.

О. АНДРЕЕВА

К ВОПРОСУ О ХОББИ

Хобби бывают разные. Я, например, коллекционирую номера автобусов.

Стою, допустим, на остановке в Ангарске и жду рейсового. А его все нет. Наконец из-за угла выворачивается служебный автобус. Распахивает двери: дескать, садитесь!

Нет, думаю, не поеду. Отдам лучше шесть копеек в государственную кассу, чем «налево».

Подходит рейсовый. А в нем народу — тьма. Лезу, пытаюсь втиснуться. Шофер выскакивает из кабины и на меня:

— Куды прешь? Не видишь — полный еду!

— А зачем остановился, коли полный?

— Регламент выдерживаю, чтобы потом не говорили, что автобусы на остановках не останавливаются.

Рейсовый ушел. Стою. Подкатывает «левый», тот же самый, по второму разу. Распахивает дверцу.

Делать нечего: ехать-то надо. Сажусь в автобус. Собираем с носа по шесть копеек и отдаем шоферу на пиво.

— Молодец,— говорят все,— выручил.

А я достаю из кармана записную книжку и вписываю в нее номера «левых автобусов»: 85-06 ИРП, 06-10 ИРС, 41-51 ИРН, 48-57 ИРВ, 12-01 ИРБ, 03-58 ИРП, 85-58 ИРМ... и подсчитываю. За неделю пассажирское автопредприятие только на одних вокзальных маршрутах на «левых» автобусах теряет около пятисот рублей выручки, в месяц — свыше двух тысяч, за год — в двенадцать раз больше.

Скажете, неразрешимая проблема? Ничего подобного. Решить ее можно одним росчерком пера начальника пассажирского автопарка товарища Тупчеева, открыв маршрут «211-й квартал — вокзал». Однако Тупчееву не до этого маршрута. У него тоже хобби. Оказывается, он коллекционирует... заявления, просьбы и жалобы пассажиров из юго-западного района Ангарска на неудовлетворительное движение автобусов. В его коллекцию попали и мои записи... А тем временем «леваки» продолжают собирать деньги в свой карман, кто больше наберет.

Может быть, это тоже хобби?

Ю. ШУМАЙЛОВ, сотрудник газеты «Восточно-Сибирская правда»
г. Иркутск

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ!

Прошлый год начался для новоенисейского ремонтно-строительного управления № 2 знаменательно. Оно собиралось приступить к первому своему ремонту и было полно решимости совершить переворот в ремонтном деле. Поэтому ремонт решено было именовать не иначе, как экспериментальным.

И когда расцветали яблони и груши, в доме № 9 по ул. Суворова был начат именно такой ремонт.

Жильцы дома, переселенные на время ремонта в барак, заинтересованно наблюдали за работой ремонтников. Что-то будет? Может быть, этот особенный ремонт войдет в летопись отечественной ремстройистории знаменательным начинанием...

А в доме уже стояла пыль столбом. Там ломали, строгали, пилили... Планы были грандиозные. В этом восьмиквартирном доме нужно было заменить дровяные печи газовыми, подвести канализацию и водопровод, оштукатурить стены, покрасить двери, полы... И все это за 2—3 месяца.

Но незаметно пролетело лето, заплакало небо, и осенний мелкий дождичек навел уныние на строителей, охладил их пыл. Наспех оштукатурив стены, покрасив окна, забыв поставить печи, навесить двери и установить сантехнику, строители исчезли, ровно их дождем смыло.

Дом опустел. Но ненадолго: с наступлением сибирских морозов жильцам пришлось вернуться из барака в полуотремонтированный дом.

А вот строители в дом не вернулись. Они уже экспериментировали в других домах.

И вновь расцвели яблони и груши. При открытых дверях (их ремонтники забыли навесить), под треск рассыхающихся полов и звуки отлетающей штукатурки жильцы справили годовщину начала ремонта. И при этом говорили:

— Обещали нам экспериментальный ремонт, а получился самый обыкновенный...

В. СИНЦОВА

— Эй ты, кончай пылить!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

МИМОХОДОМ

Докладчик оживлял свое выступление яркими орфографическими ошибками.

«Я тоже всю жизнь вкалываю!» — заявил комар.

А. ЛИГОВ

Не переходи улицу перед близко стоящим милиционером.

Старайся поступать так, чтобы тебе не было тесно в рамках приличия.

Комиссия приняла недостроенный лабиринт: у нее не было выхода.

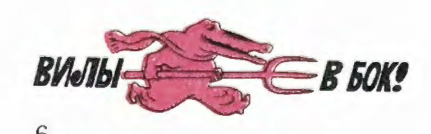
Пустоцвет грозился: «Погодите, это только цветочки».

Иногда и у змеи появляется желание пригреть кого-нибудь у себя на груди.

Книга — друг человека, жаль только, что она сама не может выбирать себе друзей.

Люди с прекрасным прошлым часто не понимают людей с прекрасным будущим.

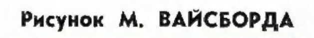
В. КОНЯХИН

— В зону отдыха мы провели узкоколейку.

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— А говорят, мы не уделяем внимания спорту!

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

— Завтра как следует выспишься и поедешь на рыбалку.

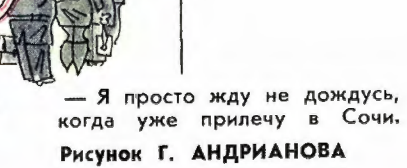

— Я просто жду не дождусь, когда уже прилечу в Сочи.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Рисунок И. НОРИНСКОГО

— Вот видишь, товарищ не поленился тащить, а ты все со своим ведерком ходишь!

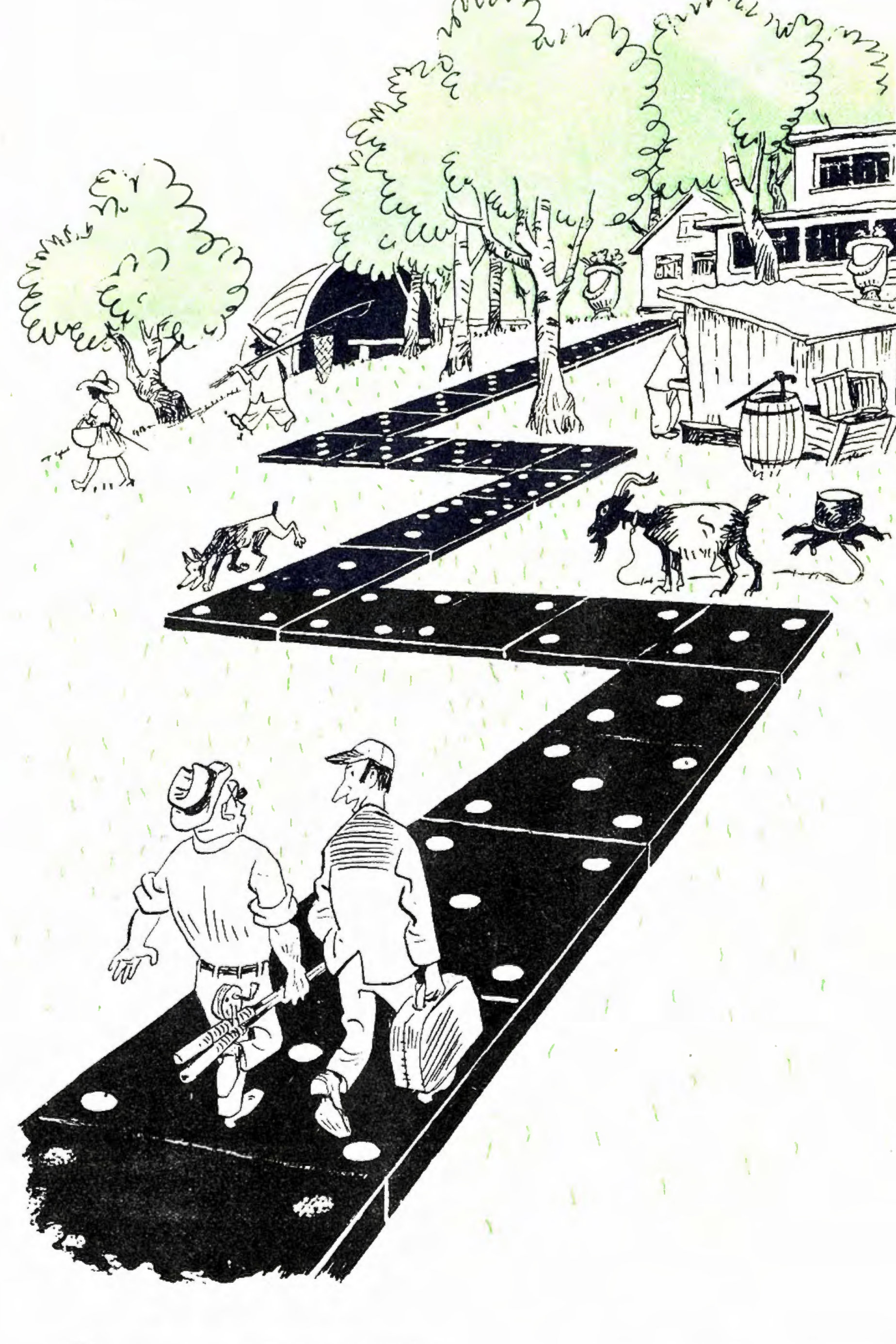

— Наконец-то дорогу к дому отдыха сделали из камней!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

И. ГАЙДАЕНКО

Купальный сезон

Рассказ

Каждый год, когда перед нашим балконом зацветают абрикосы, на кленах появляется бледно-зеленая листва, нежная и ажурная, как брюссельские кружева, а море становится синим-синим и дышит соленым йодистым бризом, я сам как бы обновляюсь вместе с природой. Ко мне возвращаются юность и беззаботное веселье, на душе становится легко и светло, хочется петь, смеяться и прыгать козликом. Но в этот самый миг я почему-то всегда вспоминаю о скором начале летних отпусков, и прыжки мои получаются не очень резвыми.

Вот уже пятый год к нам в Одессу на купальный сезон приезжают из Восьмипалатинска хорошие друзья: Леля с Васей и двое их деток — Клепа и Антоша. И наш уютный очаг мгновенно преображается, оживает, наполняется неуемной радостью. Цветут от счастья и наши дети — Валя и Володя. Их дисциплинарный режим сам по себе упраздняется.

Потные, пыльные гости вносят в дом чемоданы.

— Кошмар, ужас, безобразие! — вместо «здравствуйте» начинает с порога Леля. — Самолеты забиты до отказа, поезда переполнены, в троллейбус не втиснуться, за такси — очередь. Когда одесситы наведут порядок в этом вавилоне?

Вася закуривает сигарету «Памир», вытягивает из рюкзака бутылку коньяка, и мы садимся за стол.

— У меня печень: нельзя.

— У всех печень. Здравствуйте!

— С приездом!

Наш диетический стол не изобилует закусками: творог, отварная свекла, сырая капуста, пересыпанная морковной стружкой, и дольки лимона. Мы не ждали гостей, не запаслись более фундаментальным ассортиментом и по этому случаю приносим свои извинения.

— Силосом питаетесь, жизнь продлеваете? — замечает Вася. — Это хорошо, жить будешь, но худой будешь.

Леля вынимает из сумки десятку, сует ее супругу:

— Рыбу, редис, огурцы, помидоры, черешню, масло растительное, чебуреки. Не забудь еще тюльки купить и тех черных ракушек...

— Каких это «тех»?

— Ну, такие черные моллюски. Как их там?..

— Мидии, наверное?

— Во-во, мидии, мидии.

Вася берет две авоськи и отправляется на Привоз, одесский продовольственный рынок, что между вокзалом и зоопарком. Любопытным взглядом Леля осматривает нашу квартиру и не без ехидства спрашивает:

— Ремонт делали?

— Собираемся.

— А писали, что тараканы развелись, мыши...

Забыл, совсем забыл, действительно писали такое, компрометировали собственный очаг.

— Уже вывели, — отмахиваюсь я.

Леля тяжело вздыхает и идет в ванную замачивать грязное белье.

— Какие у вас планы? — спрашивает Лелю моя Оленька.

— Никаких,— отвечает Леля, — мы полностью в вашем распоряжении.

Непревзойденное великодушие. Моя жена съеживается и виновато говорит:

— К сожалению, мой отпуск в сентябре.

— Опять в сентябре? — всплескивает руками Леля.— Это ужасно!

В первый приезд наших друзей в Одессу жена взяла отпуск и провела его на кухне, готовя гостям завтраки, обеды и ужины. Гости возвращались к столу точно по расписанию с хорошим аппетитом, покрытые ровным бронзовым загаром и морской солью...

Леля всерьез расстроилась:

— А если хорошо, настойчиво попросить, чтобы отпуск тебе предоставили все-таки в июле?

— Нет, Леленька, отпуска у нас строго по графику.

— Просто жуть, — горюет Леля, — какой же мне будет отдых?

— Хочу кушать, — заныла Клепа.

— Бедное дитя, — разжалобилась Леля, — подожди, Клеопатра, видишь, на силосе люди живут. Скоро папка с базара вернется.

— Возьми вот бублик, деточка, — предлагает жена.

Клепа берет бублик и надевает его браслетом на руку.

Задребезжал звонок. Вася вернулся с базара, веселый, беззаботный.

— Уже тяпнул? — зашипела Леля.

— Семена, друга, встретил, рассказывал мне про устриц, их с лимоном кушаешь, а они пищат. Людей на Привозе — невпроворот. И откуда в Одессе столько народу?

— Приезжих много, отдыхающих.

— Да разве это отдых, будь он неладен! — И Вася хлопнул меня по плечу. — На базар по очереди ходить будем. Один раз ты, дружище, другой раз я. Лады?

— Все купил? — грозно спросила Леля.

— Все, кроме чебуреков. Нет в Одессе таковых, перевелись. А когда-то, Семен рассказывал, во! — Он растопырил пальцы рук. — Величиной в лапоть, и в масле жарились...

Леля достает из авоськи вязку бычков-песочников, пучок редиски, штук двадцать тюлек, полкилограмма мидий, по паре огурцов и помидоров, кулек с черешней, бутылку растительного масла.

— Ты что, все на унции покупал?

— Зато выбор какой.

— Выбор, мизер какой-то.

— А ты хотела на десятку вагон с тележкой? Это если бы турнепса всякого. Ну, мы тюлькой закусили.

— И все?

— Еще ели эти мити, тими, митити, митими, черт их возьми!

— Мититеи, наверное?

— Во-во, мититеи, котлетные колбаски такие. А вот эти черные мидии Семен учил меня сырыми кушать. Противно, но полезно, говорят.

Нас отвлекли детки. Клепа и Антоша при лояльном отношении наших детей включили вентилятор, поставили его под кран в кухне и открыли воду.

— Антон! С ума сходишь! — крикнул отец. — Ты его в ванну окуни, винт пароходный получится.

Леля просит мою жену почистить бычки, а мне и Васе поручает приготовить салат. Начинается веселая жизнь в Одессе периода отпусков. Вася режет огурцы, редис, помидоры и рассказывает о своем родном брате, который собирается приехать в Одессу.

— Я дал ему твой адрес, — радует меня Вася, — веселый парень...

— Замечательно, пусть едет, места всем хватит. Добро пожаловать!

Я режу едучий лук, слезы текут из моих глаз ручьями. «Какая же это замечательная вещь — купальный сезон в Одессе!» — сквозь слезы думаю я.

г. Одесса

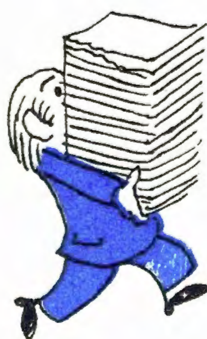
Борис ЕГОРОВ

НЕ СТЫДИТЕСЬ ЭЛЕГАНТНОСТИ

Несколько лет назад мне пришла в голову мысль коллекционировать плохие, ненужные книги, а также иные никчемные изделия полиграфической промышленности.

Дело в том, что хороших частных собраний хороших книг у нас в стране много. За матерыми библиофилами, полжизни проведшими в толкучках у букинистических лавок, и равно столько же простоявшими в очередях у магазинов подписных изданий, мне не угнаться. Именно это обстоятельство подсказало избрать другой принцип. Надо собирать книги не хорошие, а плохие. Тогда в перспективе я смогу стать обладателем самой хорошей коллекции самых плохих книг.

Осуществляя задуманное, я время от времени делился с читателями, как пополняется мое собрание. Чтобы не очень утомлять их, делал это в фельетонной форме. Последний фельетон «Дымные опыты» был помещен в «Крокодиле» год назад.

Потом двенадцать месяцев я молчал. «Деловые люди» — хозяйственники, знакомые и незнакомые непрестанно атаковали меня на лестницах, в коридорах и даже в Сандуновских банях:

«Неужели вы будете продолжать писать о всяких бредовых инструкциях, неумных памятках и бездумных решениях, выходящих книгами, брошюрами и листовками? Поверьте, это подрывает авторитет...».

«Да мы и сами завязали! Во! — указательный палец скользит повыше кадыка.— Точка! Излишнюю ведомственную издательскую деятельность сворачиваем. Больше вам материала для смеха не будет! Впрочем, у вас его, наверное, и сейчас уже нет...»

Я поверил уговорам, хотя материал у меня был: только недавно приобрел в магазине на Ленинском проспекте запылившуюся стройиздатовскую книжку «Из опыта противопожарной пропаганды. Выпуск третий». В ней есть глава, которая носит название «Живое слово — главное в работе пожарных частей». Видимо, в живом слове много воды...

Кроме этой очень неряшливой на вид брошюры, была у меня еще одна, изданная изящно: атласная обложка, десятки полосных клише, комиксы. Брошюра называется «Советы руководителю» и издана на заводе «Арсенал» имени М. В. Фрунзе.

«Никогда не бранись, следи за своим лексиконом в особенности в присутствии женщин... Будь особенно корректен с женщинами. Будь опрятен и аккуратен во всем. Не стыдись элегантности!»

Я взял словарь иностранных слов и на всякий случай проверил: «элегантный (фр. élégant) — изящный, изысканный, напр. э. костюм».

И я подумал: проблема серьезная. Очень многих сейчас заедает элегантность. И чтобы не было стыдно, некоторые нарочно не чистят ботинок, умышленно ходят в мятых костюмах, месяцами не стригутся и свою речь для резкости сдабривают чем-то вроде купороса. Иначе, не дай бог, подумают, что человек э. одевается, э. ведет себя, э. изъясняется. Теперь все ясно. Брошен призыв: не стыдитесь элегантности!

Так что материал для очередного фельетона у меня уже лежал, но я почему-то поверил в то, что больше никакой бюрократической графомании печататься не будет. Люди станут бережливо относиться к бумаге. Они уже поняли: не надо отправлять в типографию все, что лежит на столе.

Но я горько заблуждался.

На днях зашел к антибукинистам, которые обычно подбирают мне лжелитературу, и, как обычно, спросил:

— Нет ли у вас чего плохонького?

Те обрадовались моему приходу. Давно, мол, не видались. Тут вас ждут разные любопытные издания. Даже не знаем, с чего начать.

— Вот поглядите: брошюрка с наполовину чистыми, пустыми страницами —«ПОЛОЖЕНИЕ о Рязанском областном конкурсе исполнителей современных бальных танцев». Программа: сибирская полечка или барыня, сударушка, каза-нова, вальс-мазурка... Если интересно, изданы отдельной брошюрой «Решения Ковдорского горсовета». Тоже с пустыми страницами — «для заметок». Есть «Советы лечащемуся от алкоголизма»: дескать, надо ходить в музеи и театры. Это в Харькове. Имеется листовка Управления культуры Пензенского облисполкома: «Дорогой друг! А знаешь ли ты, как надо вести себя в театре?.. Спектакль считается оконченным, когда занавес закрылся... По окончании спектакля похлопай актерам». Только что поступила брошюра «ПРАВИЛА культурного поведения учащихся Костромского техникума советской торговли». Тираж четыре тысячи. Тоже с пустыми страницами...

— Постойте, постойте. Не так часто говорите,—попросил я.—Правила, изданные техникумом торговли? И что же там о торговле?

— О торговле ни строчки. Решительно ничего. Зато в разделе «На переменах» сказано: «Не стой в коридорах у стен, а спокойно прогуливайся».

Последняя рекомендация вернула меня на тридцать лет назад, когда я учился в военном училище. У нас был старшина—ретивый блюститель порядка. Говорил он в нос и нараспев. И, проходя по коридорам или классам, всем курсантам делал одно и то же замечание:

— Ну что вы сто-и-и-ите? Иди-и-иите!!

Все должны были куда-то идти. И, завидев старшину, приходили в движение.

Не тот ли старшина живет ныне в Костроме?

Я не против издания правил хорошего тона. Наоборот—горячо «за»! Но мне кажется, что составлять их может не всякий и не каждый. И лучше, если бы выпускали эти правила Министерство просвещения или Министерство культуры. Или по их заказу авторитетные издательства, располагающие компетентными авторами. А то ведь в каждом городе, на каждом заводе, в каждом институте, техникуме сидят в прокуренных комнатах усталые нравоучители и сочиняют прописные истины. На харьковской книжной фабрике напечатали брошюру с набатно-призывным названием «К ученикам школы». Какую школу имеют в виду авторы, не указано. Но вот совет: «не употребляй нелитературных слов, особенно играя во дворе...»

Чем дольше я находился у антибукинистов, тем больше приходило мне в голову нелитературных слов. И я, не стыдясь элегантности, вопросил:

— Что за чертовщина — «УСЛОВИЯ отделения связи высокой культуры производства»? Как это — «условия отделения»?

Из дальнейшего чтения бумажной простыни стало ясно, что звание «отделение связи высокой культуры» присваивается при соблюдении определенных условий. На почте «для оказания клиентуре дополнительных услуг связи... должны быть клещи, молоток, гвозди, шпагат, нож, клей...». А в зале для клиентуры — стол (пюпитр), чернильный прибор, промокашка, мокрая губка. Но этого для присвоения почетного звания еще недостаточно. Согласно § 7, желательно «обеспечить полную сохранность почтовых отправлений и денежных сумм». Короче, будете иметь звание «отделения высокой культуры», если не разворуете казну... Далеко пошли! К неведомым ранее высотам культуры. С промокашкой в руках и с неразграбленным сейфом. Так что имеются достижения.

Я уж думаю: а нет ли тут глумления над здравым смыслом? Ибо дальше я вижу напечатанные на белейшей бумаге картонной твердости «социалистические обязательства коллектива Бокситогорского биохимического завода на 1972 год: ...сократить потери рабочего времени на 5 процентов по сравнению с 1971 годом: а) за счет уменьшения прогулов на 1,4 процента; б) за счет снижения административных отпусков на 3,6 процента...» $1{,}4 + 3{,}6 = 5$. Как видим, прогулы запланированы не приблизительно, а с точностью до одной десятой.

Нет, не все, что лежит на столе, следует отправлять в типографию. И типографиям не надо принимать в печать все, что им несут. Совсем не думают люди, на что они расходуют бумагу. Впрочем, нет—думающие все же есть. И сидят они в издательстве и типографии «Международные отношения». Решив биться за бумагу, они обязались в 1971—1972 годах «за счет экономии бумаги выпустить продукции на сумму 50 рублей». И в честь сей доблестной задачи запустили в машины свои соцобязательства на мелованной бумаге, размером с афишу цирка шапито. Как сказал один экономист, если речь идет об экономии, то перед затратами не останавливаются. Тем более, если люди решили сэкономить такую крупную сумму, как 50 рэ.

Вопросов у меня больше нет. Все ясно. Кроме одного. Откуда все-таки различные хозорганизации берут бумагу, которой, по слухам, не хватает?

Представьте себе следующий эпизод.

...В одном из кабинетов Государственного комитета Совета Министров РСФСР по профессионально-техническому образованию сидит скучающий сотрудник. И вдруг в голову ему приходит афоризм: «Если какие-либо предметы обмундирования не вполне соответствуют твоему росту или размеру, обменяй их на необходимые тебе». Еще несколько таких афоризмов—и получается «ПАМЯТКА учащемуся профтехучилища», которая в плакатном формате выходит тиражом 10 000 экз. Объясните мне, как это получается? Попросту объясните, не стесняясь элегантности: отчего, зачем и почему?

Если за столом сидят несколько человек, то каждый, прежде чем что-то сказать, думает: а надо ли мне это говорить? Надо ли злоупотреблять вниманием окружающих? Если на языке вертится пошлость—лучше промолчать. А если пошлость на кончике пера? Пиши! Только не забудь поставить тираж: 10 000, 100 000 или еще сколько.

Для другого бумаги порой и нет, а на это найдется. И опять спрошу: где?

Может быть, позвонить на Петровку, 38, и попросить, чтобы опытный собаковод прошел с ищейкой по следам одного из пустопорожних изданий? Все-таки надо выяснить, где же находятся несметные склады бумаги, которая могла бы пойти на учебники, на книжки для детей, на контурные карты и прочие благородные цели. Могла бы... А пока печатные машины работают на мою коллекцию. И типографии соревнуются за досрочное выполнение плана.

Керим КУРБАННЕПЕСОВ

Небольшая анкета, чтобы познать самого себя

Проснешься, весел и доволен —
Порядок в доме, как всегда.
А у соседей кто-то болен.
О чем ты думаешь тогда:
  Чтоб обошли твой дом напасти!
  Иль как помочь другим в несчастье!

Министр — твой друг. Сидишь, как дома,
Припомнишь юные года...
Народ за дверью ждет приема.
О чем ты думаешь тогда:
  О дружбе, давней и хорошей!
  Или о тех, что ждут в прихожей!

Машину у́гля парень ловкий
Во двор завозит без стыда.
«Отдам, хозяин, по дешевке!»
О чем ты думаешь тогда:
  О выгоде, о дешевизне!
  Иль о законах честной жизни!

Мясник в ларьке с тобою дружен —
Вмиг тащит вырезку со льда.
Другим несет чего похуже...
О чем ты думаешь тогда:
  О том, что выбор твой удачен!
  Или о тех, кто одурачен!

Перевод с туркменского О. ДМИТРИЕВА

Иосиф АЛЬБИРТ

Перо и чернила

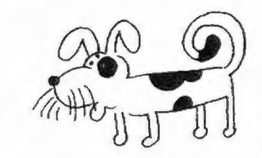
Перо скандал нежданный учинило:
«Я чистым быть хочу!
Мне ни к чему чернила!»
Известно, без чернил оно
Не может вывести ни строчки.
Перо осталось чистым, но
Лежит на чистеньком листочке.

Шли дни. И на бумаге белой
Перо лежало и ржавело...

Перевод с еврейского В. ПОЛУЯНА

Мухтар БОРБУГАЛОВ

Балтек

Конь вез телегу, полную поклажи,
Шел, выбирая колею поглаже.
  И надо ж было оступиться!
  Два колеса увязли по ступицы.
Рванулся Конь, телега — хрясь,
Не тут-то было, держит грязь!
А пес Балтек, дремавший у крыльца,
Вскочил и лает без конца:
«Какой ты Конь!
Такой-сякой!
    Тянуть телегу не умеешь.
Ты даже под кнутом не поумнеешь.
Ведь дело-то простое, как пятак:
Повез бы воз не этак, а вот так...»
Конь всем нутром до жилки напрягался,
А пес Балтек все пуще заливался:
«Берясь за дело, загляни в азы.
Эх, видно, не коням возить возы!..»
Тут аксакал проворною рукой
Толкнул телегу раз, другой,
Приободрил Коня: «Ну, ну, родимый!»
И вырвались колеса-побратимы,
Воз тронулся торжественно и грузно.
  А Конь сказал Балтеку грустно:
  «Спасибо тем, кто нам
      в беде поможет!
  А лаять... Лаять каждый может».

Перевод с киргизского В. ВАДИМОВА

— Господи, какую скатерть загубила!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«СГОРЕЛ НА РАБОТЕ»

Маляр Хлюстов шел вечером по Академгородку и увидел пожар в деревянном доме. Внутри кричал ребенок. Хлюстов выбил стекло и спас ребенка, получив при этом ожоги и порезы на руках.

После этого началась в СМУ-6 «Сибакадемстроя» волокита с оформлением Хлюстову бюллетеня. Отказывались его оплачивать, потому что Хлюстов спас ребенка в нерабочее время, а стало быть, получил бытовую, неоплачиваемую травму.

Об этом рассказывалось в заметке, опубликованной в № 9 «Крокодила».

Как сообщили нам начальник управления строительства Н. Иванов и председатель объединенного постройкома № 149 А. Тийс, за бездушное отношение к маляру тов. Хлюстову, старшему инженеру по технике безопасности СМУ-6 В. И. Зубареву объявлен выговор.

«В ОЖИДАНИИ КИНО»

Так называлась заметка, опублнкованная в № 6 «Крокодила». Речь в ней шла о медленном строительстве клуба в колхозе «Авангард», Увинского района, Удмуртской АССР, которое затянулось на долгие годы.

Как сообщил редакции управляющий строительно-монтажным трестом «Удмуртсельстрой» тов. А. Вашурин, заметка подтвердилась. Выступление «Крокодила» обсуждено в коллективе строителей ПМК-452. Вопрос об ускорении строительства клуба рассмотрен на заседании Увинского райкома КПСС. Критика признана правильной.

Ввод клуба в эксплуатацию намечен на III квартал этого года.

«АХ, ЭТИ

В лабораториях Гусевского филиала Института стекла решено было отпраздновать день 8 Марта торжественно и скромно. Но скромно не получилось. «Повеселились» так, что возник пожар, который обошелся институту в десятки тысяч рублей. Об этом дорогом «фейерверке», устроенном в честь женщин, было рассказано в заметке «Ах, эти мужчины!» («Крокодил» № 12).

Как сообщил секретарь Гусь-Хрустального горкома КПСС тов. Ю. Кириллов, бюро горкома партии привлекло к строгой партийной ответственности руководство Гусевского филиала Института стекла. На директора Д. Клегг наложено строгое партийное взыскание, он освобожден от занимаемой должности. Зав. сектором В. Смолин исключен из членов КПСС. Он также освобожден от работы. Виновные в возникновении пожара привлекаются к уголовной ответственности.

«ИЗ ЕВРОПЫ В АЗИЮ»

Долгими часами приходится стоять в очереди на автобусы №№ 17 и 20. Ходят они редко, зато ломаются часто. На это и сетовал житель Магнитогорска И. Почтарев в заметке «Из Европы в Азию», опубликованной в № 3.

Как сообщил председатель Магнитогорского горисполкома тов. И. Босенко, руководителей автопредприятия обязали упорядочить выход автобусов на линии строго по графику. Управляющему трестом «Магнитострой» тов. Н. Сафронову предложено закончить в текущем году строительство автогаража на 200 машин. Принимаются меры по обеспечению автопарка запасными частями.

Искусство требует улиток

Неудавшийся поэт из Сицилии Эмилио Изигро нашел наконец способ превращать слова в деньги. Оказалось, что слова выгоднее зачеркивать, чем писать. Эмилио раскрыл первый том Британской энциклопедии и аккуратно зачеркнул реку Аа. И затем пошел прямехонько по всем словам в каждом томе, пока не замазал последнее слово на букву Зет. Потом оттащил энциклопедию в Лондонскую художественную галерею и сказал, скромно потупившись:

— Это все я... нарисовал.

— Молодец,— сказали искусствоведы.— Свежая струя. Отвергаешь мещанские стандарты.

Его «произведение» было продано за тысячу фунтов стерлингов.

Не сдает позиций заслуженный ветеран изофиглярства испанский сюрреалист художник Сальвадор Дали. Недавно он оповестил мир о том, что открыл «настоящее искусство». Наконец-то...

Теперь Дали не нуждается больше в таких старомодных атрибутах, как кисть, краска, холст. Отныне его кисть — трость с серебряным набалдашником, а краски — улитки, которые ползают по белым стенам его дома в Коста Браво.

Каждый вечер, когда часы показывают 9, Дали берет трость и приступает к избиению улиток.

Иногда попадает, расплющивая жертву. Иногда — мимо, но тоже с пользой для искусства — на стене остается выбоина.

«Это — подлинное спонтанное самовыражение,— говорит Дали,— настоящий символ борьбы за выживание между человеком и животным».

На снимке: Дали преподносит красотке свою новую «картину» — кусок стены, загаженный раздавленными улитками.

Еще в современном искусстве Запада модны гипсовые слепки пупков, разноцветные мазки на холсте, произведенные женскими грудями, елозящими по краске, и «художественные» дырки, просверленные в полу картинной галереи. Есть и более объемные произведения.

Например, как ни относиться к творчеству Христо Джавачефа, следует признать, что замыслы у него широкие. Ему давно хотелось чего-то монументального. Однажды он обернул в коричневую бумагу Музей современного искусства в Чикаго. Но это как-то не прозвучало. А может, население подумало, что какой-то нефтяник из Техаса купил и попросил завернуть. Дело обычное.

Теперь Джавачеф задумал повесить хлорвиниловую занавеску поперек каньона реки Колорадо. Приступая к работе меж крутых бережков Колорадо, маэстро подбадривал себя модным философским лозунгом: «Художник имеет неотъемлемое право преобразовывать видимый им мир так, как это диктует ему его воображение»...

У природы, однако, есть точно такое же право, и ветер довольно быстро сорвал занавеску.

Впрочем, иногда губят блестящие художественные идеи не стихии, а старомодные пошляки и мещане. Недавно в Хейворд Галлери в Лондоне открылась выставка, устроенная Советом искусств. Намечался шедеврик, какой и не снился разным там Рембрандтам и Рубенсам,— казнь электрическим током 60 рыб в аквариуме.

Художественный критик Каролина Тисдалл из газеты «Гардиан» заранее вскрыла глубинную суть замышленного зверст... то бишь действа: «Функциональный набросок взаимоисключающих средств выживания в перенаселенном мире».

Но публика запротестовала, артист Спайк Миллиган разбил молотком витрины галереи — варвар, сразу видно, не дорос еще до современного искусства. Казнь рыб была отменена.

А еще художники-новаторы любят творить в подвешенном состоянии.

Американец Пэт Паульсен, например, подвешивает себя к перекладине и рисует бородой, носом и ушами.

А публика смотрит на все эти ухо-горло-носовые произведения спиной. Неинтересно. Не волнует. Надоело. Вот и ломают себе голову художники-акробаты: то ли на перекладине висеть, то ли на веревке...

В. БЕЛОВ

Шотландские джины на барселонском стадионе.

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Николай ЭНТЕЛИС

Пардон, сэр Пэрдон!

БАЛЛАДА

В английской военной школе в Уорминстере солдат обучают стрельбе по мишеням, на которых изображен офицер в советской военной форме. Начальник школы бригадный генерал К. Пэрдон требует, чтобы солдат готовили к войне против СССР.

Однажды на исходе дня
Воитель сэр Пэрдон
Пришел, медалями звеня,
На новый полигон.

Фанерный щит невдалеке
Поставил бравый сэр.
На том щите с флажком в руке —
Советский офицер.

Пэрдон сигару сунул в рот
И, подтянув ремень,
Навел тяжелый пулемет
На легкую мишень.

Ведет с решимостью в глазах
Стрельбу бесстрашный бритт:
Тарах-тах-тах! Тарах-тах-тах! —
А офицер стоит.

Орудье выдвинуть вперед
Солдатам шеф велит.
Смельчак прямой наводкой бьет,—
А офицер стоит!

Бросает танки сэр Пэрдон
На непокорный щит.
Грохочет сталь со всех сторон,—
А офицер стоит!

Бывалый муж дает сигнал:
Пилот мишень бомбит...
С надеждой смотрит генерал,—
А офицер стоит!

Отважный рыцарь сэр Пэрдон
Сигару смял во рту,
Из ножен саблю вырвал он
И ринулся к щиту.

Но вдруг из ослабевших рук
Разящий выпал меч:
Смертельный чувствуя испуг,
Воитель слышит речь:

— Достойный сэр, сомненья нет,
Вы потрудились всласть,
Хоть я не целил в ваш портрет,
Не замышлял напасть.

Затея ваша, храбрый сэр,
Не новая, увы!
В двадцатом на такой манер
Не поступали ль вы?

Сверкая золотом погон
И саблей на боку,
Вы превращали в полигон
Архангельск и Баку.

Но не смогли свести расчет
Со мной вы и тогда,
А нынче, сэр, и я не тот,
Да и не те года!

Ни пулей злой не взять меня,
Ни бомбой не убить,
Ни шквалом лютого огня
На землю не свалить.

Бессмертен я: ведь я народ,
Чья доблесть велика.
Мой алый флаг не упадет —
Он поднят на века!

Где те, кто в ярости бомбил
И жег страну мою?
Вояк давно и след простыл,
А я — гляди! — стою!

Не дрессируйте зря полки,
Умерьте грозный тон.
Не выйдет! Руки коротки!
Вот так, Пэрдон! Пардон!

В. КУЗНЕЦОВ

Босс со стеклянным глазом

Банкиру вставили стеклянный глаз. Операция была сделана по всем правилам косметического искусства. Осчастливленный финансовый туз предлагал коллегам угадать, какой глаз фальшивый. И радовался, как ребенок, когда никто не мог угадать. Наконец, дошла очередь до рабочего — истопника банка.

— Ну, а ты что скажешь? — спросил банкир.

— Левый глаз — стеклянный,— сразу сказал рабочий.

— Как ты угадал?!

— Потому что в нем проглядывает что-то человеческое...

Попробуйте-ка рассказать этот старый немецкий анекдот современным западногерманским предпринимателям! Те сразу встанут в позу оскорбленной добродетели. А послушная им пресса еще распушит, чего доброго, за «коммунистическую пропаганду».

Что ж, отложим пока пропагандистские шпаги. Обратимся к фактам. Рабочий Людвиг Зегл из Шенангера оказался прикованным к постели из-за тяжелого увечья. Он чуть не потерял руку, попавшую под пилу на деревообрабатывающей фабрике. Сердобольный шеф Альфред Библ, как поведала «Зюддойче цайтунг», прислал больному соболезнующее письмо: «Я требую, чтобы ты снова появился на фабрике, потому что у меня есть и такая работа, которую можно выполнять одной рукой. Если ты не появишься, я прекращу дальнейшую выплату больничных. С совершенным почтением...»

Что оставалось делать покалеченному рабочему? Он припомнил еще, как однажды заболел гриппом. Шеф заявился к нему на дом и поднял с постели...

Единичный, из ряда вон выходящий случай?

Полистаем «Франкфуртер альгемайне». Объявление: «Сдается в аренду или продается деревообрабатывающее предприятие с 50 рабочими, постоянный коллектив». Все вместе — столяры и стамески, рубанки и прилагаемые к ним плотники.

Может, это провал памяти у предпринимателя, возомнившего, что он живет в век работорговли? Но как тогда объяснить то, что произошло в Штутгарте? Там разорилась фирма братьев Шарпф. Предприятие пошло с молотка вместе с 900 рабочими и служащими. Раз... два... три... кто больше? Полсотни представителей других фирм нарасхват раскупали рабочую силу прямо «на корню» во дворе предприятия. Правда, они не щупали мускулы и не смотрели на зубы — как-никак живем в XX веке! — но уж, само собой, выбирали кого помоложе. 600 человек «разошлись» моментально. «Такого еще не бывало на немецкой бирже,— расточала телячьи восторги газета «Бильд-цайтунг»,— свыше шестисот рабочих и служащих были «проданы с аукциона» прямо во дворе их разорившейся фабрики. Первый аукцион с рабочими в нашей стране прошел с потрясающим успехом».

Натуральное око шефа буравит рабочего насквозь. От этого взора не укрывается ничто — так опытный барышник оценивает лошадь по всем статьям. В руки журналистов попала примечательная брошюра. На титульном листе заголовок: «Оценка персонала. Секретно!». Пухлый классификатор в помощь высокому начальству — совместное творение небезызвестной авиационной фирмы «Дорнье» и электроконцерна «Сименс». Каждого работника рекомендуется оценивать по пятибалльной системе. Разработаны «критерии», коими надлежит руководствоваться. «С душой» или «из-под палки» работает сотрудник, как относится к предприятию, предан ли своим шефам, как ведет себя — учитывается все, «от членства в профсоюзах до длины волос», как выразился представитель профсоюза металлистов Баварии.

Каждого работника разбирают, что называется, «по косточкам». Аккуратно раскладывают по графам черты его характера, особенности поведения, привычки. Ежели ты «вежлив», «тактичен» (в отношении начальства), «питаешь к шефу естественное уважение», «думаешь по-предпринимательски» (заботишься о прибылях босса), «динамичен» (работаешь как вол),— получай единицу — высшую отметку — и можешь уповать на прибавку. Но если «много рассуждаешь», «слишком критичен», «часто возражаешь», «не всегда откровенен», «поддаешься настроениям»,— меньше чем на пятерку (худший балл) не рассчитывай. А случись так, что тебя занесли в графу: «недостаточно почтителен», «причиняет беспокойство» — это уже крамола. Это значит, что ты на плохом счету и при случае вылетишь за ворота. Так что наматывай на ус: главное — угодить начальству. «При рассмотрении оценок,— пишет еженедельник «Цайт»,— создается впечатление, что в конце концов решающее обстоятельство — понравится или не понравится начальнику нос подчиненного». Горе тебе, если твой нос не ласкает взор начальства. Тогда прощай, «назенцулаген»—«надбавка за нос», как горько шутят западногерманские рабочие.

На «любимчиков» и «нелюбимчиков» поделила всех рабочих администрация завода в Рехау (Бавария). «Кто держит язык за зубами, «вкалывает» так, что кости трещат, постоянно здоров, с радостью и самоотверженно представляет интересы фирмы, того привечают, как желанного гостя»,— пишет профсоюзная газета «Вельт дер арбайт».

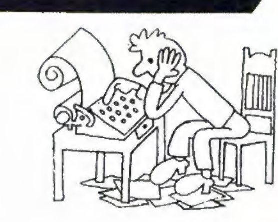
Капитализм стал «народным», хозяин и рабочий — нежнейшие социальные партнеры, утверждают ученые слуги монополий. Да, да, воистину так, подтверждает монополистический капитал и ласково подмигивает стеклянным оком.

Британский лев и его зев. Рисунок М. АБРАМОВА

«Черные полковники» на Олимпе. Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

ВНИМАНИЮ ВЕТЕРАНОВ КРОКОДИЛЬСКИХ ПЯТИБОРИЙ ОСТРОУМНЫХ, ЭНЦИКЛОПЕДИСТОВ, ЮМОРИСТОВ, АФОРИСТОВ, САТИРИСТОВ И ПРОСТО ЧИТАТЕЛЕЙ.

Крокодильская история открытий и изобретений

В последнее время бывшая редколлегия бывшей крокодильской энциклопедии начала испытывать какое-то неясное томление, а временами даже теснение в груди и легкое сердцебиение. Мы измерили себе давление — нормальное, около двух атмосфер, как в хорошо накачанных шинах. Измерили творческий потенциал — тоже нормальный — 220 вольт. И тогда нас вдруг осенило: мы просто скучали. Скучали по нашим доблестным энциклопедистам-надомникам, по ежедневному потоку их писем.

И тогда мы поняли, что подсознательно все время мечтали о новом свидании с читателем, о новом игрище.

Не будем рассказывать, как оно рождалось, как перегрызались карандаши и перекусывались шариковые ручки. Это все позади.

Сегодня мы начинаем новый, необыкновенный научный труд на общественных началах «Алло, мы ищем эрудитов! Крокодильская история открытий и изобретений».

Широкую крокодильскую общественность уже давно волнует вопрос о том, откуда появились вещи, которые или не дают нам жить, или не дают нам спать. Например, автомобиль. Его трудно купить, на нем изредка можно ездить, его нужно чинить, но о нем еще можно и говорить. Впрочем, говорить можно и об авоське, автомате, авторучке, азбуке и многих, многих других вещах. И тогда возникает ряд вопросов, которые остро нуждаются в ответах.

1) Где, когда появился, кем и для чего был открыт, придуман, выведен, приручен этот предмет, явление, понятие?

2) Какое влияние оказал этот предмет на развитие цивилизации? Изменилось ли назначение этого предмета в наши дни?

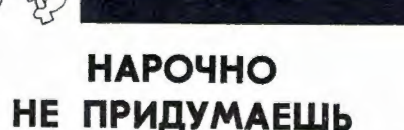
3) Какие заменители этого предмета вы можете предложить сейчас или в перспективе?

Вы, наши эрудиты-общественники и сатирики-надомники, только вы можете написать эту многотомную историю открытий и изобретений, которая бросит вызов энциклопедиям и справочникам. Только вы можете проследить, как повлияло изобретение чернил на развитие цивилизации, только вы можете развеять тайну наложения первой резолюции, только вы сможете пролить свет на то, как был выведен первый осел.

Каждая ваша статья может отвечать на все вопросы, связанные с тем или иным предметом, или на часть из них. Но занимать она должна не более ОДНОЙ СТРАНИЦЫ НА МАШИНКЕ. Каждая опубликованная статья будет снабжена подписью автора, который один будет нести полную ответственность перед историей, наукой и историей науки за свои открытия. Авторы могут присылать любое количество статей как о предметах из словника, так и о любых других. Словник не догма. Редколлегия оставляет за собой право браковать худшие сочинения и выбирать лучшие.

ПРИМЕРНЫЙ СЛОВНИК:

абажур
абонемент
абонент
аванс
авиапочта
авоська
автобус
автомат
автомобиль
авторучка
автостоп
автотурист
азартные игры
азбука
аист
академия
акваланг
аквариум
аккредитив
аккумулятор
аксиома
алгебра
алебастр
алименты
алкоголь
альпинист
амбулатория
амулет
анализ
анекдот
анонимка
антимония
антициклон
антракт
аплодисменты
аппарат
арбуз
асфальт
атом
аукцион
афиша
афоризм
аэровокзал

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ПОМЕТКОЙ НА КОНВЕРТЕ «ЭРУДИТЫ» ДО 20 ИЮЛЯ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Захожу на ферму: внутри грязь, коровы ревут — второй день не кормлены. В чем дело? Оказывается, из семи доярок четверо в декрете. Вся вина за это полностью ложится на дирекцию совхоза».

(Из радиопередачи)
Записал С. Цыпин, г. Харьков

«...Возьмите к примеру Анну Л. Она пришла в ПКБ осенью 1954 года 22-летней девушкой и, проработав 18 лет, без выхода из организации стала женщиной-матерью».

(Из стенгазеты)
Прислал А. Голубцов, г. Воронеж

«Граждане, 29 марта сего года будет проводиться прививка собак против бешенства, пункт сбора с 6 часов до 10. Администрация убедительно просит владельцев привести животных на прививку. Граждане, не явившиеся, будут расстреляны».

(Из объявлеиия)
Копию снял А. Иваненков, пос. Зверево, Ростовской области

«Отлично показал себя перворазрядник Владимир Комаров из мореходного училища. Сломав обе лыжи, он удачно прошел трассу и занял второе место».

Газета «Камчатская правда»

«Будучи председателем общества охотников и рыболовов, у меня отрезали телефон».

(Из заявления)
Прислал Т. Пронин, Курская область

— Квартиру получил неважную, но зато с телефоном.

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВЫ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

МИТХАНС (Куба)

СМЕРТЬ ГАРРИ СВАНСОНА или как пишутся детективы

Мадам Свансон начала свой рассказ следующими словами:

— Мы с мужем уже собирались спуститься в столовую, когда вошел слуга и доложил, что какой-то господин желает срочно повидаться с моим мужем. Муж спросил, как имя этого господина, на что слуга ответил: «Он не назвал своего имени, сказал только, что это вопрос жизни или смерти».

— Тогда мой муж,— продолжала мадам Свансон,— попросил меня сопровождать его. Мы оба вошли в библиотеку. Человек сразу поднялся с кресла, выхватил из кармана пистолет и три раза выстрелил в моего мужа. Гарри упал замертво.

— А вы остались спокойной? — спросил следователь.

— Нет. Я осталась вдовой,— с достоинством ответила мадам Свансон.

Следователь Фостер продолжал допрос:

— Кто-нибудь что-нибудь трогал в библиотеке?

— Да. Моя дочь, как всегда, не могла удержаться и тронула...

— Что? — Следователь привстал со стула.

— Когда она увидела отца недвижимым, она тут же вытащила у него из кармана немного денег. Это у нее рефлекс такой, понимаете?

— Полицию вызвали вы?

— Нет. Когда незнакомец выстрелил, первое, что я сделала,— это приняла две таблетки анальгина. От шума у меня страшно разболелась голова.

— Кто же тогда вызвал полицию? — продолжал следователь.

— Мой брат. Он был приглашен к обеду.

— А где сейчас находится ваш брат?

— Он сказал, что появится, как только покончит с десертом. Но так как он еще с детства не любил сладкого, я думаю, что это будет нескоро. Может быть, в будущем году. К тому же он такой нервный... Он сказал мне: «Сестра, лучше я поговорю со следователем не сейчас, а попозже». И уехал, мой бедный мальчик. Сейчас он уже на пути в Мексику. Кстати, вы не знаете случайно, до какого часа открыт банк?

— А для чего вам банк, мадам?

— О, я хотела узнать, когда я смогу получить страховку за моего бедного мужа. Подумайте только, прошло всего две недели, как он застраховал свою жизнь на полмиллиона — и такой конец!

Следователь задумчиво почесал подбородок.

— Боюсь вас огорчить, мадам, но пока я не вижу никаких нитей... Хоть бы какая-нибудь зацепка была...

•

Ростбиф и пудинг беседуют между собой:

— Что у нас сегодня к обеду?

— Как всегда, англичане.

•

— Как это вы можете, Карлсон, ходить стричься в рабочее время?

— Но, господин директор, ведь волосы растут тоже в рабочее время!

•

— Пистолеты, автоматы, ручные гранаты...

«Эуропео», Италия

«Уикэнд», Англия

Первый бродяга:

— Мне очень хотелось бы иметь миллион крон!

Второй бродяга:

— А ты дал бы мне половину?

Первый:

— Зачем? Ты ведь тоже можешь захотеть иметь целый миллион.

•

— Ты меня любишь? — ласкаясь, спрашивает она.

— Конечно,— нежно отвечает он.

— А ты на мне женишься?

— Что у тебя за привычка всегда менять тему разговора?!

•

В окрестностях Гарлема белый полисмен осматривает труп негра, убитого револьверными выстрелами. На теле убитого 48 пулевых ран.

— Какое страшное самоубийство! — бормочет полицейский, приступая к составлению протокола.

Прохожий спрашивает автомобилиста:

— Почему вы все время кружите у больницы?

— Понимаете, я сегодня первый день за рулем!

•

Режиссер актеру:

— Так имейте в виду, что в этой сцене лев примерно пятьдесят метров бежит за вами на расстоянии двух шагов!

— Надеюсь, лев об этом тоже знает?

•

— Простите, мадам, вы, кажется, председательница местного благотворительного общества.

— Да, а что?

— Вы не могли бы помочь одной очень бедной семье?

— Весьма возможно. А что это за семья?

— Супруги, больная бабушка и десять малых деток. Им грозит выселение. Они давно не платят хозяину дома за квартиру.

— А кем вы им приходитесь?

— Я и есть хозяин дома, где они живут...

Жорж КОН (Франция)

ДОБРО ЗА ДОБРО

Во всех детских хрестоматиях рассказывается трогательная история о том, как лев отблагодарил человека, вытащившего у него из лапы занозу, и о том, что мышка, которую пощадил лев, перегрызла впоследствии сети, опутавшие льва.

Мне довелось быть свидетелем развязки другой истории, которая, как мне кажется, тоже заслуживает почетного места в хрестоматиях.

Пробираясь однажды сквозь африканские джунгли, мой друг Пьер, известный журналист и путешественник, увидел вдруг слона, угодившего в огромную яму. Бедное животное, по-видимому, уже совершенно обессилело, пытаясь выбраться из западни, и смирилось со своей участью. Слон лишь посмотрел на Пьера и слабо покачал головой, словно хотел сказать: что делать, когда-нибудь это все равно должно было случиться...

Пьер почувствовал, как у него сжалось сердце. «Нет,— сказал он себе,— пройти мимо попавшего в беду слона было бы бесчеловечным». Два дня он и его проводники-туземцы подкапывали край западни. Наконец слон выбрался из ямы. На мгновение он задержался, пристально посмотрел на своего освободителя, благодарно кивнул и, торжествующе трубя, удалился.

Спустя двадцать лет мы с Пьером присутствовали на премьере в парижском цирке. Во втором отделении на арену вышел дрессировщик с группой африканских слонов. Десять могучих животных взмахнули одновременно хоботами, приветствуя публику. Раздались аплодисменты. Вдруг один из слонов застыл на мгновение, почесал себе голову хоботом, радостно затрубил и быстро направился в партер. Не обращая внимания на крики дрессировщика и вопли испуганной публики, он добрался по проходу до семнадцатого ряда, где сидел мой друг Пьер. После двадцати лет разлуки африканский великан узнал своего избавителя! Охватив его нежно хоботом, слон осторожно перенес Пьера с места, которое стоило двенадцать франков, на свободное кресло в четвертом ряду, стоившее в два раза дороже!

— А моему племяннику Людвигу я завещаю электробритву.

«Билледбладет», Дания

Девушка спрашивает подругу:

— Интересную книгу ты читаешь?

— Да, очень романтическая история. При этом с трагическим финалом!

— А что там случилось?

— Ты понимаешь, в самой последней главе герой возвращается к своей жене!

Ришард Марек ГРОНЬСКИЙ (Польша)

СКАЗКА о шапке-невидимке

Один король купил
По случаю на рынке
Всей челяди своей
По шапке-невидимке.

И вот уж при дворе
Не видно ни жандармов,
Ни пекарей смешных,
Ни лекарей бездарных,

Ни бардов, ни шутов,
Ни слуг и ни служанок,
Ни престарелых дам,
Ни юных куртизанок.

Бедняге королю
С тех пор житья не стало:
Его на всех углах
Честили, как попало.

Под шапками укрыв
Гримасы и ужимки,
Судили короля
Злословы-невидимки.

Обиделся король,
Сказал: «Как вам не стыдно!
А ну-ка, шапки прочь,
Чтоб вас мне было видно!»

Злословы смолкли вмиг,
И, раздирая глотки,
Вновь хвалят короля
Жандармы и кокотки...

Перевел с польского Н. ЛАБКОВСКИЙ.

«Жерминаль», Бельгия

КРОКОДИЛ

№ 16 (2026)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, Ю. Андреев, М. Вайсборд, В. Владов, Е. Горохов, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, Н. Лисогорский, В. Мохов, И. Норинский, Г. Пирцхалава, Ю. Праженник (г. Киев), Н. Станиловский, Ю. Степанов, В. Тамаев, В. Тильман, Е. Шабельник.

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 19/V 1972 г. А 00933. Подписано к печати 30/V 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.
Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.
Тираж 5 050 000 (5 завод 4 263 301—5 050 000) заказ № 1367.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

ВЕСЕЛАЯ ИСТОРИЯ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

— Эпикур! Лично мы твое учение уважаем!

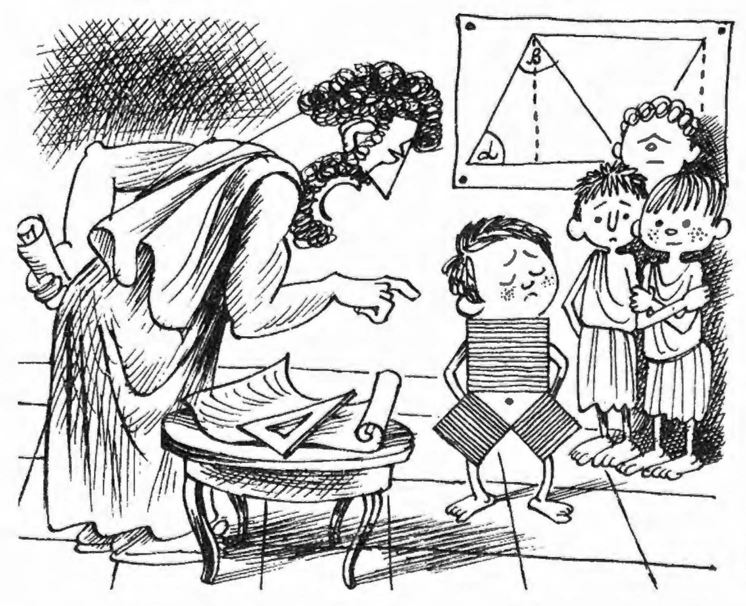
— Герострат, что ты летишь, как на пожар?

— Никак не могу понять, что у них с Платоном — дружба или любовь?

Еврипид: — Софокл, ну разве это трагедия?

— Пифагор, что это у тебя за штаны?

— Слыхали, в Вавилоне заграничные туники выкинули? Такое столпотворение!